

Евгений Гонтмахер,

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА
СОВРЕМЕННОГО
РАЗВИТИЯ

Частно-государственное здоровье

Слишком дорогая бесплатная медицина

Сейчас в ходу много модных слов, описывающих экономические явления. Например, «частно-государственное партнерство». Попросту говоря, это означает, что бизнес ведет какой-то совместный проект с государством — например, строит дороги. С некоторых пор это словосочетание описывает ситуацию и в здравоохранении.

О чем же, собственно, идет речь? Государственная больница передается в управление частной компании, которая обязуется предоставлять населению некий объем бесплатных услуг, согласованный с местной властью и профинансированный ею. А оставшееся от этого госзаказа время в этой же больнице оказывают платные медицинские услуги.

На первый взгляд все логично: бизнес заинтересован в эффективном использовании доставшихся ему активов, а пациенты от этого только выигрывают. Но в действительности ситуация намного сложнее и социально опаснее.

Бизнес, естественно, нацелен на получение прибыли. Есть два пути:

— получать в рамках госзаказа деньги в соответствии с так называемым полным тарифом (компенсация всех реальных затрат на предоставление медицинских услуг плюс хотя бы небольшая прибыль), а также зарабатывать на платных услугах;

— работать себе в убыток в бесплатном для населения сегменте, компенсируя это прибылью от предоставления платных услуг.

Если говорить о ближайшей перспективе, то от распыления попыток реализовать, конечно, первый путь. Как известно, финансирование здравоохранения из федерального бюджета правительство ужимает, подавляющее большинство регионов вынуждены делать то же самое. Таковы экономические реалии страны. Единственное светлое пятно — оплата труда медицинского персонала, которая в соответствии с указом Владимира Путина должна быть не менее чем средней зарплатой по региону. Но и у этого есть побочные последствия: закрываются мелкие учреждения здравоохранения, сокращаются штаты.

Но такая экономия на численности работников позволяет лишь худо-бедно поддерживать требуемый уровень зарплат. А на все остальное (содержание в приличном состоянии материальной базы и тем более ее улучшение, бесплатное лекарственное обеспечение, питание, коммуналка) денег очень часто категорически не хватает. Какой уж тут обеспеченный бюджетом «полный тариф»!

И тут в рамках реализации частно-государственного партнерства отрасль переходит на второй путь. По нему начинают идти региональные власти — от упомянутой выше элементарной нехватки своих денег. Появляются очевидные риски снижения доступности для населения многих медицинских услуг. Или, попросту говоря, речь идет о замещении бесплатного здравоохранения его платными формами.

Это плавно происходит и будет продолжаться, потому что никакие протесты со стороны населения нет. Может даже сложиться впечатление — впрочем, весьма поверхностное, — что люди адаптируются к меняющейся ситуации, изыскивая личные деньги на медицину. Но если приглядеться, то эффекты ожидаются совсем другие: макроэкономика с неумолимостью говорит о том, что доходы населения в ближайшие годы расти не будут (а у многих групп снизятся). А это значит, что выкроить из своих скромных семейных бюджетов деньги на лечение для большинства будет все сложнее. Начнется бурный рост и без того весьма популярного самолечения, которое иногда помогает от насморка и кашля, но никогда — от сердечно-сосудистых, неврологических, онкологических и многих других серьезных заболеваний. Итог: увеличение доли хронически больных детей и людей трудоспособного возраста. Тем самым ухудшается качество жизни в стране, появляется еще одно ограничение (в виде нехватки здоровых кадров) для столь желаемого экономического роста. Практика показывает, что если под одной крышей одни и те же врачи занимаются и тем и другим, то это неизбежно приводит к замещению общедоступной медицины более или менее качественным обслуживанием только для материально обеспеченного меньшинства.

Так что же — не пускать частный капитал в здравоохранение? Конечно, пускать. Но не в рамках складывающегося сейчас «частно-государственного партнерства», а на принципах дополнения бесплатных услуг, предоставляемых государственными учреждениями, платными в частных поликлиниках и больницах.

Берлин примет Арину в апреле

28 февраля мы рассказали историю двухлетней Арины Павловой из Санкт-Петербурга («Кройка и шитье жизни», Виктор Костюковский). У девочки сложный врожденный порок сердца, велик риск развития

сердечной недостаточности, кровоизлияния в мозг. В немецком кардиоцентре (Берлин, Германия) готовы помочь. Рады сообщить: вся сумма для оплаты лечения (1 634 663 руб.) собрана. Родители Арины благодарят за помощь. Примите и нашу признательность, дорогие друзья!

Всего с 28 февраля 53 576 телезрителей «Первого канала», читателей „Ъ“, 38 региональных СМИ и rusfond.ru исчерпывающе помогли (9 352 397 руб.) 15 больным детям. Спасибо!

полный отчет
rusfond.ru/sdelano

Топать в ботинках

Костю Лучковского спасет операция

Мальчику 13 лет. У него несовершенный остеогенез, повышенная ломкость костей. Пять лет назад он ходил. Теперь не ходит. Металлические пластины, которыми врачи оперативно пытались скреплять его кости, оторвались, деформировались и торчат сквозь мышцы наружу. После многих переломов берцовые кости срослись зигзагом, мышцы атрофированы. Надо накачать мышцы, укрепить кости при помощи дорогих лекарств, выпрямить хирургически и вставить внутрь специальные штифты. Тогда Костя пойдет опять.

Костя лежит один в комнате, потому что мама ушла по делам. Нет, не так. Не совсем так. Он лежит один в комнате дешевого хостела в Москве, потому что вот приехал из Биробиджана за счет местного правительства, пожил десять дней в гостинице, обследовался, полегчало, но выяснилось, что лечение затянется как минимум на год, и тут уж средства биробиджанского правительства кончились, мальчику подыскали хостел на первое время, а Костина мама поехала смотреть квартиру в Балашихе, которую они собираются арендовать, чтобы не летать каждый месяц в Биробиджан и обратно. На какие деньги? Костя не знает. Нашлись добрые люди, квартиру арендовать помогут — с ними-то мама и уехала в Балашиху.

«Уехала» — правильное слово. Костя передвигается в инвалидной коляске, и мама его тоже передвигается в инвалидной коляске. И у нее тоже несовершенный остеогенез. У нее не было атрибутов человеческого счастья — семья, работы, мужа, и она мечтала о ребенке. Теперь ребенок есть. Похож на нее.

Костя не помнит своего первого перелома. Потому что тот случился на седьмом месяце маминой беременности. Или во время карсера. Костя не помнит. И второго перелома не помнит. И третье. Он вообще не помнит, сколько у него было переломов. Сбился со счета.

Он помнит, например, как ему было пять лет и он подошел к книжной полке. Взял с полки книгу, и под тяжестью книги сломалось бедро. Он еще тогда ходил.

Он вообще довольно хорошо ходил, держась за стенку, примерно с пяти лет и до семи. Даже катался на велосипед. Трехколесном, разумеется. Мама тогда решила сделать Косте пару операций,

чтобы мальчик научился ходить, не держась за стенку. И вот этого, думает Костя, не надо было делать. Может быть, и до сих пор ходил бы, пусть даже и держась за стенку.

Но что теперь говорить? Ему привинтили к костям металлические пластины, пластины деформировались и полезли наружу, выдергивая из костей шурупы, так что на месте шурупов оставались в костях дыры. И после операций Костя лежал по несколько месяцев в гипсе, так что мышцы атрофировались. И уже не встает. И мышцы слабы настолько, что совсем ничего не держат, и нога может сломаться, даже если просто приподнять ее над кроватью.

И Костя совсем уж было отчаялся, но здесь в Москве, в клинике «Глобал Медикал Систем» (GMS Clinic), доктор говорит: это ничего. Можно накачать мышцы. Ноги поднимать нельзя, да. Но если качаешь мышцы рук или брюшного пресса, то и мышцы ног тоже накачиваются немножко за компанию.

А потом, говорит доктор, надо прокапать специальные лекарства, которые укрепляют кости. А потом сделать все же две операции и вставить штифты, которые Костя не помнит, как правильно называются.

На всякий случай Костя стал еще играть в компьютерную игру World of Warcraft. Выбрал там себе персонаж — паладина, рыцаря, который путешествует, сражается с монстрами и от этого

КАК ПОМОЧЬ

ДЛЯ СПАСЕНИЯ КОСТЯ ЛУЧКОВСКОГО НЕ ХВАТАЕТ 520 ТЫС. РУБ.

Заведующая отделением врожденных патологий клиники «Глобал Медикал Систем» (GMS Clinic, Москва) Наталья Белова: «Переломы у Кости были настолько частыми, что бедренные кости и голени сильно деформировались. Из-за большого количества операций и переломов сформировался порочный круг — ребенок стал бояться движений, а отсутствие движений привело к новым переломам. Но мальчику можно помочь. Мы укрепили костную массу препаратом памидронат. Затем Косте предстоит этапное хирургическое лечение. Сначала наши хирурги за одну операцию уберут из бедер Кости старые пластины и установят эластичные тенты, которые выдержат нагрузку веса и двигательную активность мальчика. Через полгода потребуется вторая операция — установка в голени таких же тентов. Надеюсь,

Костя не помнит, сколько было переломов. Он помнит, как в пять лет он взял с полки книгу и под тяжестью книги сломалось бедро. Костя тогда еще ходил

«прокачивается». Это такой геймерский термин. «Прокачиваться» — это значит обретать новые силы, умения, знания, оружие, магические свойства. Чем черт не шутит — вдруг от того, что прокачивается паладин в компьютере, ноги тоже как-то прокачиваются за компанию. Костя играет по сети с другом из Биробиджана. Но в Биробиджана наступала ночь. Друга загоняют спать. И Костя остался бы один, если бы в комнате не было меня. Впрочем, я тоже собираюсь ходить. Я встаю, Костя смотрит на мои ноги и говорит:

— Ух ты, какие у вас ботинки!

На мне высокие крепкие ботинки полубоевого образца. И выражение лица у Кости такое, что понятно совершенно — он видит перед собой воплощенную мечту. Мечта — это не ботинки. Мечта — это стоять в ботинках. Ходить в ботинках. Развернуться на месте в высоких крепких ботинках полубоевого образца и выйти вон из комнатки крохотного хостела, где помещаются только кровати, два инвалидных кресла и чемодан.

Выходя за дверь, я нарочно громко топая. Чтобы Косте захотелось и этого — топая в ботинках.

Валерий Панюшкин

после лечения Костя сможет ходить». Операция и расходные материалы обойдутся Лучковским в 620 тыс. руб. Наш партнер компания LVMH Perfumes & Cosmetics (Россия) внесет 100 тыс. руб. То есть не хватает 520 тыс. руб.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Костю Лучковского, то пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в Русфонд или на банковский счет Костиной мамы — Марины Геннадьевны Лучковской. Все необходимые реквизиты есть в Русфонде. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Экспертная группа Русфонда

Пиар и бескорыстие

Как сделать мир лучше

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАМЕНИМЫХ

Русфонд продолжает публикации о людях, которые жертвуют деньги на благотворительность, а иногда и что-то большее, чем деньги. Мы стараемся ответить на два вопроса: почему сильный помогает слабому и почему так поступают не все? Сегодня наш специальный корреспондент ИГОРЬ СВИНАРЕНКО рассказывает о том, что иногда у человека нет другой возможности кому-то помочь, иначе как сильно пропаявшись. Но уж лучше так, чем никак! А что люди скажут, неважно... Не слушайте вы их.

Один писатель получил литературную премию. Первую в своей жизни! Сидел он тогда, конечно, без денег. И денежная составляющая награды была весьма для него важна. И вот что же сделал в такой непростой ситуации юный, но обремененный семьей счастливый автор? Пропил премию с друзьями? Отдал жене? Положил в банк?

Нет, не угадали вы. Счастливцев эти деньги отдал другому писателю, который был постарше и позnamenитей. Что не мешало ему тоже сидеть без денег. Да не просто сидеть без

денег — а вообще сидеть. Буквально. В тюрьме. Ну вроде за политику, за справедливость. А по моему скромному мнению, сидел он с целью вполне благородной, ни тени осуждения, — чтоб продовать свои книги. Иными словами, чтоб послужить человечеству, сделать этот мир лучше.

И вот старший товарищ, сидевший за пиар ли, за справедливость ли, за желание ли спасти мир, а может, и правда за уголовку, как уверяли злые прокуроры, получил кучу денег! Да, деньги он принял, почему нет — находись в местах не столь отдаленных, в долгах и с весьма мутными перспективами. Как же было не взять.

А что юный спонсор? Добрая душа, практически святой, который пожертвовал презренными дензнаками ради высоких материй? Да еще и поимел, встали, проблемы в молодой своей семье.

— Да это он сделал для пиара! — сказали злые языки.

Да, так некоторые и сказали: для пиара! Вот захотел прославиться. Сколько ж у нас добрых людей, а? Ну а чем вообще плох пиар? Отчего же не сделать доброе дело пусть даже и напоказ?

— Но зачем же напоказ? Мог бы тихо передать «коплету», и всех делов! — скажут защитники скромности и прочих

ценностей. Но ведь никак нельзя было это сделать тайком, при всем желании! Это бы означало преждевременный развод, ссору с друзьями!

Как так? А очень просто: близкие ожидали бы каких-то трат, и отказывать им было никак нельзя без потери лица. Вроде же человек разбогател — а все жал. Короче, не оставили человеку шанса сделать доброе дело и остаться скромно и ни писал.

Хорошо это или плохо, даже не могу сказать. Это и неважно. Это только слова, шелуха, сотрясение воздуха. А факт остается фактом: доброе дело сделано! И оно не забудется. Кто бы что ни говорил и ни писал.

И мир стал лучше, хоть и ненамного. Именно так — не один конкретный молодой писатель, а весь мир. Может, он только выглядел стал лучше, а по сути не изменился. Впрочем, различия нет. Если мир стал выглядеть лучше благодаря добрым делам, то он и по факту стал лучше.

Даже если это мало кто заметил, неважно. Размер (доброе дело) не имеет значения.

полная версия
kommersant.ru/11238,
rusfond.ru/svinarenko

Из свежей почты

Савелий Лукьянчиков, 4 года, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 228 420 руб.

У нас беда. Родовая травма привела к поражению головного и спинного мозга сына. Из реанимации Савелия выписали не в больницу, а домой, не предупредив о последствиях. Мальш плакал и выгибался дугой. Невропатолог «на всякий случай» назначила противосудорожное, и сын превратился в «растение», перестал держать голову. До сих пор Савелий не сидит, не жует, ничего не держит в руках. При этом интеллектуально идет с опережением: все понимает, знает алфавит и решает примеры, указывая на карточки с буквами и цифрами. Любит книжки и песни. Он очень хочет двигаться и говорить. Помогите нам попасть в Институт медтехнологий (ИМТ)! Бывший муж сыном не интересуется. Инвалидная пенсия и пособие по уходу идут на лечение, живем втроем на пенсию бабушки. Евгения Лукьянчикова, Кемеровская область

Невролог ИМТ Елена Малахова (Москва): «Двойная гемиплегия (тяжелая форма ДЦП с двигательными нарушениями в конечностях. — Русфонд), поддержка психомоторного развития. Савелия надо госпитализировать».

Сергея Долгов, 5 месяцев, деформация черепа, требуется лечение. 180 тыс. руб.

В роддоме сказали, что у моего сына голова неправильной формы. Поначалу я думала, он в отца: у того высокий лоб. Через месяц Сережина голова вытянулась, стала овальной, лоб выдался вперед, а на затылке будто гребешок. УЗИ показало, что швы черепа раньше времени срослись, родничок зарос и это угрожает развитию ребенка, создает давление на мозг. Сразу после операции, которую проведут по государственной квоте, потребуются специальный шлем для придания черепу правильной формы. Я не могу оплатить шлемы и умоляю вас о помощи. Мне 20 лет. Отец Сережи лишь позвонил после родов и вскоре женился на другой. Сына не признал. На события не прожить (это 3170 руб. на двоих), и я вернулась к маме, но она сама недавно родила, и еще у нее на руках моя младшая сестра и бабушка — инвалид первой группы. Елена Долгова, Липецкая область

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «У Сережи деформирован череп, передний родничок практически закрыт. После операции по реконструкции костей свода черепа необходимо ношение крахмальных ортезов (шлемов) в течение шести-восьми месяцев».

Вероника Чекшина, 3 месяца, врожденная двусторонняя косоплоскость, требуется лечение по методу Понсети. 120 тыс. руб.

Рождение двойни для нас очень радостное событие. У меня есть дочь от первого брака, а у мужа это первые детки. И наша забота — вырастить их здоровыми, умными. Максим здоров, а вот у Вероники врожденная двусторонняя косоплоскость тяжелой степени. Ортопед рекомендовал начать гипсования по методу Понсети, как только Вероника наберет вес 3 кг. На днях мы ходили в поликлинику и узнали, что вес дочки достиг 3,3 кг. Лечение надо начать сейчас, немедленно, а денег на его оплату нет! Муж газорезчик на заводе. От алиментов на дочь мне пришлось отказаться, чтобы не потерять квартиру. Доход невелик, с появлением малышей расходы сильно увеличились. Помогите! Ирина Чекшина, Вологодская область

Руководитель клиники «Современные медицинские технологии» Юрий Филимендинов (Ярославль): «Методом Понсети мы выведем стопы в правильное положение».

Варя Белоусова, 1 год, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 203 тыс. руб.

Внимание! Цена операции 253 тыс. руб. Группа строительных компаний ВНС внесет 50 тыс. руб. Не хватает 203 тыс. руб.

«Не паникуйте, — сказали в поликлинике про шум в сердце Вари. — Пройдет». А в год поставили диагноз «порок сердца» под вопросом. Мы надеялись, что это ошибка, ведь Варя не болела, только все плохо прибавляла. Но полное обследование в Томском кардиоцентре показало множественные дефекты межпредсердной перегородки! Откладывать операцию нельзя: деформируется сердечная мышца. Еще можно обойтись щадящей коррекцией, без вскрытия груди. А нам такую операцию не оплатить. Из алтайского села мы переехали поближе к Томску, к хорошим специалистам. Муж нанялся водителем, но заработок небольшой, а квартиру мы снимаем. Юлия Белоусова, Томская область

Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривошеков: «Варе показано эндоваскулярное закрытие дефекта межпредсердной перегородки».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

Почта за неделю 28.02.14—06.03.14

ПОЛУЧЕНО ПРОСЬБ — 50
ПРИНЯТО В РАБОТУ — 49
ОТПРАВЛЕНО В МИНЗДРАВ РФ — 1
ПОЛУЧЕНО ОТВЕТОВ ИЗ МИНЗДРАВА РФ — 0

все сюжеты
rusfond.ru/pomogite; rusfond.ru/minzdrav

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РУСФОНДА

Русфонд (Российский фонд помощи) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в "Ъ". Проверив письма, мы размещаем их в "Ъ", на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», Здоровье@mail.ru, в эфире «Первого канала», а также в 38 печатных, телевизионных и интернет-СМИ в различных регионах РФ. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт, электронной наличностью и SMS-сообщением, в том числе из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям и телезрителям затея понравилась: всего собрано свыше \$145,2 млн. В 2014 году (на 6 марта) собрано 268 270 024 руб., помощь получили 201 ребенок. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник» за 2000 год. Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; rusfond.ru; e-mail: rusfond@kommersant.ru. Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00.